

**ПРИНУДИТЕЛЬНО-ЗАКАЗАННЫЙ РОМАН И ВАЖНОСТЬ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИСАТЕЛЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ “ПРИКАЗА”**

**ZOR KULLANARAK YAZDIRILAN ROMAN VE YAZARIN
YORUMUNUN BU "SİPARİŞ"İN GERÇEKLEŞTİRİLMESİNDEKİ
ÖNEMİ**

**THE FORCEFULLY ORDERED NOVEL AND THE IMPORTANCE OF
THE WRITER'S INTERPRETATION IN THE EXECUTION OF THE
“ORDER”**

გიორგი ხორბალაძე*

АННОТАЦИЯ

Каким бы парадоксальным не казалось, один из выдающихся представителей грузинского исторического романа Константин Гамсахурдиа при рассуждении об историческом романе считал, что предикат «исторический» является абсолютно лишним, так как «всякий роман в конце концов станет историческим»- говорил он.

Несмотря на то, что согласны мы или нет с этим соображением писателя, такое его отношение отнюдь не является препятствием нашему заявлению, что-роман Отари Чхеидзе «Джебири» (Дамба) сегодня уже является историческим романом.

Возможность же заявить такое позволяет именно то обстоятельство, что вопреки желания тогдашней государственной машины, роман, как образец социалистического реализма, никак не состоялся. В нынешних условиях дать такую оценку как «никак не состоялся» - проще простого, однако в тех политических и репрессивных условиях проявленная писателем добросовестность и самоотверженность, обусловили принятие рискованного решения - создание такого романа. В свою очередь, все это и позволило нам дать такую оценку.

Осмысление в параллельном режиме периода создания романа и его содержания, свидетельствует о том, что несмотря на существующий риск писатель отказался от фальсификации, он не смог подвести читателя и пойти на его обман, он не смог подвести самого себя и пойти против собственного «я», он рискнул- и пошёл на «ва-банк».

Таким образом, в пределах данного исследования мы постарались с современной точки зрения проанализировать созданный в советское время антисоветский роман и с большим вниманием и осмыслением обозреть целый ряд вопросов. Думается, что в

* ORCID: [0000-0003-0453-8521](https://orcid.org/0000-0003-0453-8521), Prof. Dr. Giorgi Khorbaladze, Gori State Teaching University, Gori, Georgia, g.khorbaladze@gmail.com

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

результате всего нам представилась возможность вынести интересные заключения. Однако тут же добавим, что наше исследование это капля в море сравнительно со сверхвпечатлительным творческим художественным миром Отари Чхеидзе. Поэтому, мы планируем продолжить и дополнительно расширить настоящие исследования и считаем, что изучению творчества Отари Чхеидзе, текущей литературной критике необходимо уделить ещё больше внимания.

Ключевые слова: Отари Чхеидзе, «Джебири», Константин Гамсахурдиа, «Буриси», заказанный роман, советская система.

ÖZET

Ne kadar çelişkili görünse de, Gürcü tarihi romanının önde gelen temsilcilerinden biri olan Konstantine Gamsakhurdia, tarihi roman üzerinde tartışılırken, “Tarihsel” yüklemnin kesinlikle gereksiz olduğuna inanıyordu ve her romanın eninde sonunda tarihsel hale geleceğini söylüyordu.

Yazarın bu görüşüne katılsak da katılmasak da, onun bu tür yaklaşımı Otari Chkheidze'nin "Jebiri" (Baraj) adlı romanının günümüzde zaten bir “tarihi roman” olduğunu göstermektedir. O zamanki devlet sisteminin isteklerinin aksine roman bir sosyalist gerçekçilik örneği olamadı. Bu durum ise yukarıda sözü edilen yaklaşımları doğrulamaktadır. Mevcut koşullarda “Olmadı” gibi bir değerlendirme yapmak kolay, ancak bu siyasi ve baskıcı koşullarda yazarın vicdanı ve özverisi, riskli bir kararın alınmasına - böyle bir romanın yaratılmasına - yol açtı. Buna karşılık, tüm bunlar bu tür değerlendirmemizi sağladı. Günümüzde benzeri romanlar hakkında “Amacına varmadı” denilir. Ancak, o zamanki şartlara göre yazar tarafından özveri gösterilerek söz konusu roman ortaya konuldu. Bundan ötürü yukarıdaki değerlendirmemize yer verildi.

Romanın yazıldığı dönem ile içeriğini dikkate aldığımızda mevcut riske rağmen yazarın konuları tahrif etmediği belli olmaktadır. Kendisi bu durumda gerek kendini, gerekse okuyucuyu hayal kırıklığına uğratmadı, kendini de aldatmadı, kendine karşı çıkmadı ve riske girdi.

Makalede Sovyet döneminde yaratılan Sovyet karşıtı roman, modern bir bakış açısıyla incelenmiş ve bir dizi konu büyük bir dikkat ve anlayışla gözden geçirilmiştir. Bu gidişat ise dikkate değer sonuçlara kadar götürmüştür. Ancak, şunu da belirtmek gerekir ki, Otari Chkheidze'nin etkileyici ve yaratıcı sanatsal dünyasına kıyasla araştırmamız okyanusta bir damla olduğu kadardır. Bu nedenle söz edilen konular üzerine araştırmamızı sürdürüp genişletmekle birlikte Otari Chkheidze'nin çalışmaları ile günümüz edebiyat eleştiri çalışmalarına daha fazla dikkat çekilmesi gerekmektedir.

Anahtar kelimeler: Otari Chkheidze, "Jebiri", Konstantine Gamsakhurdia, "Bursi", sipariş romanı, Sovyet sistemi.

ABSTRACT

No matter how paradoxical it may seem, one of the outstanding representatives of the Georgian historical novel, Konstantin Gamsakhurdia, when discussing the historical novel, believed that the “historical” predicate was absolutely unnecessary, since “any novel will eventually become historical,” he said.

Regardless of the fact that we agree or not with this consideration of the writer, such an attitude of his is by no means an obstacle to our statement that Otari Chkheidze's novel "Dzhebiri" (Dam) is already a historical novel today. The opportunity to state this is precisely the circumstance that, contrary to the wishes of the then state machine, the novel, as an example of socialist realism, did not take place in any way. Under the current conditions, it is easy to give such an assessment as "did not take place", but in those political and repressive

conditions, the writer's conscientiousness and dedication led to the adoption of a risky decision - the creation of such a novel. In turn, all this allowed us to give such an assessment. Comprehension in a parallel mode of the period of creation of the novel and its content, testifies to the fact that despite the existing risk, the writer refused to falsify, he could not let the reader down and go to his deception, he could not let himself down and go against his own "I", he took a chance and went for broke.

Thus, within the framework of this study, we tried to analyze the anti-Soviet novel created in Soviet times from a modern point of view and review a whole range of issues with great attention and comprehension. It seems that as a result of everything, we have had the opportunity to make interesting conclusions. However, we immediately add that our research is a drop in the ocean in comparison with the super-impressive creative artistic world of Otari Chkheidze. Therefore, we plan to continue and further expand this research and believe that even more attention should be paid to the study of Otari Chkheidze's work and current literary criticism.

Key words: Otari Chkheidze, Dzhebiri, Konstantin Gamsakhurdia, Burusi (Fog), ordered novel, Soviet system.

Введение

В пределах данного исследования мы постарались с современной точки зрения проанализировать созданный в советское время антисоветский роман и с большим вниманием и осмыслением обозреть целый ряд вопросов. Думается, что в результате всего нам представилась возможность вынести интересные заключения. Однако тут же добавим, что наше исследование это капля в море сравнительно со сверхвпечатлительным творческим художественным миром Отари Чхеидзе. Поэтому, мы планируем продолжить и дополнительно расширить настоящие исследования и считаем, что изучению творчества Отари Чхеидзе, текущей литературной критике необходимо уделить ещё большее внимание.

Методы

В работе были использованы теорические эмпирические методологии, такие как: компаративистская, системная, наряду с этими использованы методы анализа.

Дискуссия

Каким бы парадоксальным не казалось, один из выдающихся представителей грузинского исторического романа Константин Гамсахурдия при рассуждении об историческом романе считал, что предикат **«исторический»** является абсолютно лишним, так как **«всякий роман в конце концов станет историческим»**- говорил он.

Несмотря на то, что согласны мы или нет с этим соображением писателя, такое его отношение отнюдь не является препятствием нашему заявлению, что- роман Отари Чхеидзе «Джебири» (Дамба) сегодня уже является историческим романом. Возможность же заявить такое позволяет именно то обстоятельство, что вопреки желания тогдашней государственной машины, роман, как образец социалистического реализма, никак не состоялся. В нынешних условиях дать такую оценку как **«никак не состоялся»** - проще простого, однако в тех политических и репрессивных условиях проявленная

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

писателем добросовестность и самоотверженность, обусловили принятие рискованного решения - создание такого романа. В свою очередь, все это и позволило нам дать такую оценку.

Осмысление в параллельном режиме периода создания романа и его содержания, свидетельствует о том, что несмотря на существующий риск писатель отказался от -фальсификации, он не смог подвести читателя и пойти на его обман, он не смог подвести самого себя и пойти против собственного «я», он рискнул- и пошёл на **«ва-банк»**.

Интересным, и одновременно, главным представляется то, что писатель, на первый взгляд, будто и исполнил задание системы - олицетворил жизнь грузинской деревни в эпоху коммунизма, однако, в действительности, контексты непрерывно сопутствующие определяющей главной линии романа полностью, наизнанку выворачивает ситуацию и вместо романа социалистического реализма налицо исторический роман, со своим пафосом и назначением. По нашему мнению означенное является следствием умения автора заранее предвидеть суть вопроса и дать замыслу правильную трактовку.

Исходя из наших наблюдений, интересным представляется и факт присутствия в романе нескольких значительных элементов постмодернистского течения, благодаря которым уже в первом издании романа отчётливо видны постмодернистские тенденции, а в последнем издании, приложенная в виде эпилога, приписка автора, по нашему мнению, фактически перевоплощает роман в постмодернистский текст. Об этом, более конкретно, ниже и пойдёт речь.

Мы уже отметили, что писатель, на первый взгляд, будто и выполнил данное ему задание - создал роман олицетворяющий жизнь социалистической деревни, о труде колхозников и их стремлении к улучшению результатов своего труда, и созданный писателем текст, в общем- то и вмещён в контуры этой огромной темы. Однако, лишённый проблем, всегда счастливый и радостный, обременённый лишь физическим трудом человек, вообще-то говоря - гражданин социалистической республики, и вместе с ним, на космической скорости движущееся вперёд, развитие его селения, в романе и не видятся. Однако ж представление, в тематическом плане, именно этих конкретных вопросов и было целью поставленной перед писателем задачи, что безусловно, и было превосходно воспринято писателем.

Естественно, писателю уровня Отари Чхеидзе, его богатая художественная фантазия позволила бы использовать безграничные возможности и наилучшим образом обрисовать, то что от него требовала система, и самым наилучшим ожиданиям предпочесть все блага и привилегии в личной жизни. Однако писатель прямо в романе и пишет: **« Мне не под силу ввести вас в заблуждение и сказать неправду, сочинить такое -которое не случилось, вымыслить то- чего вовсе не было, нет, мне это не под силу, несмотря на то, что вымыслить гораздо легче, чем отобразить действительность. Я предпочитаю трудности,, как вы - не знаю.»** (Чхеидзе, *Джебури* 134). Само собой разумеется, что этим пассажем в

действительности делается акцент на то, что в данном случае вымысел был бы эквивалентен подделке, ибо то, что отображение вымышленной истории и вымышленной «реальности» было бы гораздо лёгким делом, автор тут же, в романе и отмечает. Иначе говоря, невозможность в данном случае означает недопустимость и подразумевает в себе ни коим качества образом неухудшение качества возложенной на писателя моральной ответственности, а не дефицит фантазии для создания художественного вымысла. Такого рода включения писателя в роман, в общем-то является интереснейшими и многозначительными. Тут же стоит отметить, что схожие прямые включения автора в роман характерны для постмодернизма и как способы присущи ему, и далее, как мы убедимся, аналогичные нюансы не раз встретятся в романе. Из подтверждённой цитаты так же видно, что **«заказанный»** писатель целиком и полностью осознаёт стоящую перед ним дилемму, осознаёт, что у него всего два выбора - или сказать неправду и пойти на обман читателя, или остаться писателем. Ценой огромного риска он выбирает второе - остаться писателем. Поэтому кажется, что весь роман является как бы ответом заказчику на полученный **«заказ»**, ответом находчивым, демонстративным и где-то даже злорадным., будто писатель всё время твердит: **«Хотите роман о коммунизме, о коммунистах, о колхозе и колхозниках, пожалуйста, я его пишу, однако пишу так как мне видится»**. Не знаю как другие, но мы в процессе работы над романом, постоянно ощущали присутствие этого контекста, он нам слышался непрестанно, интенсивно, с очень малыми интервалами.

С самого начала детального анализа мы в первую очередь особое внимание обратили на то обстоятельство, что присущие романам Отари Чхеидзе такие резкие выпадения из рамок **«спокойной идиллии»** социалистической прозы еще тогда были замечены советской критикой, в результате чего рецензии с отрицательным контекстом со стороны советских критиков не заставили долго ждать. Естественно, схожие отрицательные оценки сегодня воспринимаются с абсолютно другим осмыслением и они не противодействуют, а наоборот содействуют более глубокому осмыслению творчества Отари Чхеидзе, делают его величие более наглядным. Однако думается, что по меркам современного видения, осмысление по новому и правильная формулировка оценки являются необходимыми и значительными. Именно с этой целью мы и намерены основательнее вникнуть в роман и понять какова беспристрастная, передаваемая творчеством писателя действительность и на примере романа «Джебири», в недрах его общего сюжета вычитать им отображаемое.

Первое, что так резко бросается в глаза, это осознание того, что режим упорно старается вытравить прошлое из памяти людей, поскольку прошлое - это напоминание их национальной самобытности. Писатель особенно остро подмечает факт желания системы превратить человека в механизм или в рабочее животное **«Как наши отцы и деды пахали и сеяли, да? Так что ли? Бороной хотите догнать Тамарашенцев? Что же это такое? Почему**

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

зависите от одного единственного трактора ? Если один испортился - так где же второй, где третий, четвёртый?» (Чхеидзе; Джебири, 42) - вопрошает секретарь райкома, и в этих вопросах так и веет от него коммунизмом, так и просачивается насквозь его коммунистическое отношение к человеку: *«Другого выхода ,пути к спасению, нет. Машина Должна завладеть всем хозяйством, она Должна Доставать До всего, как пальцы человека» (Чхеидзе; Джебири, 45)*, вскоре добавляет он, и писатель этим сравнением подчёркивает именно то, что на этом этапе машина и человек являются идентичными ценностями. Однако тут планируется упрочение превосходства машины над человеком. Поэтому, ни личной жизни, ни личных интересов не должно существовать; *«То что касается чувств, Души — всё Для тебя театрально! У тебя же нет личных желаний! — окинув взглядом мужа, она вновь уставилась на облака - ты послушник обстоятельств, необходимости» (Чхеидзе, Джебири 117)* - говорит жена председателю колхоза, и этим претензионным настроением персонажа автор выражает своё отношение к тому, как духовность человека, его культурные интересы и личная жизнь тают с той скоростью, с которой растут — коммунистические „ценности“. Более того, чем выше, по иерархической лестнице, поднимается человек, чем должностно глубже он погружается в жижу коммунизма, тем всё более опустошаются его нравственные и чувственные начала: *«В тебе совмещались интеллигентная аккуратность и чувственность. Тогда ты был маленьким человеком, - тут в её глазах мелькнула искорка иронии — работал агрономом колхоза...» (Чхеидзе, Джебири 118)*, и тут же добавила: *«И как же ты теперь постигнешь более возвышенное, высокое искусство, хотя бы искусство юмора?! Нет, Ладо, ты совсем опустился и уже не хочешь подняться на верх.» (Чхеидзе, Джебири,123)* . Коммунизм болотной жижей подступил и к представителям искусства - песни и пляски доведены до уровня соревнований между колхозами таким образом, будто у них другого назначения уже и нет.

При коммунизме личного достоинства не должно существовать, человек должен быть носителем лишь коллективных переживаний. Коллективное же, без личного достоинства не что иное, как проявлен стадного менталитета, возврат в первобытность и низведение человеческого к животному. Именно этим и взволнованна Мери, когда говорит, что *«люди кроме общего имеют и особенности, и я особенная, да особенная, такая, как я и есть, своя.» (Чхеидзе: Джебири 122)*. Однако более интересным представляется то, что тот, с кем она непосредственно находится в полемике, ни кто иной как её муж, который, в принципе более резко чувствует сложность проблемы, и накипевшее на душе, у возбужденного подстрекательством и сопротивлением жены, супруга, автор следующим образом раскрывает перед нами: *«Семья была уже не нужна -будто устарела, так может в конторе колхоза ему остаться и там что-ли постелить себе, может и постель устарела или в пережиток какой -то превратилась, а может ему в стойле лошаДью стоять на ногах, так и спать на ногах стоя, как лошаДь; (Чхеидзе,*

Джебири, 127). Именно из этих мыслей советского сельского чиновника явствует, что он самолично ощущает низведение до животного и, соответственно, подтекст параллели между стадностью и коммунизмом сам по себе всплывает на поверхность.

Роман выводит на чистую воду советскую пропаганду, и подтверждает, что она построена на лжи и иллюзорности, что порядок показной, и патриотизм показной, показные гуманизм и правосудие. Но хуже всего то, что об этом знают практически все, но убедительно продолжают обманывать самого себя, и друг друга, будто и тут идёт соревнование- кто из них с наибольшей полнотой и со всей своей сущностью поверит в такую ложь, которую заранее знает, что она - ложь: *«Ладо Даже не посмотрев, так нашёл слова. — И правда, имеем успехи, Достижения, победы, Да,... многие значительные Достижения — тут он ещё раз запнулся - после стольких громких слов, следовало привести хотя бы пару примеров, ...Однако что? какие? Тут он призадумался» (Чхеидзе, Джебири, 69)*. В ту, общую, повсеместную ложь, что в стране Советов кругом одни успехи, Ладо конечно же верит, правда он не может вспомнить и привести примеры успехов, но этим он знает, что успехи эти- тоже ложь, но это обязательная, правдоподобная ложь, и пересмотру она не подлежит.

Ведь он где-то говорит : *« Если это Даже не радостно, все равно надо придумать так, чтоб радостно было, человека без радости нет,- и Ладо рассмеялся, рассмеялся от Души ...» (Чхеидзе, Джебири, 99)*. Думаем, что итак ясно, зачем пришлось автору заставить персонажа смеяться от души. Вообще- то Ладо пошутил не настолько, чтобы это вызвало смех от души. Он вовсе не говорил смешного. Сказанное им вызывает смех от души над той действительностью, в которой ему приходится жить. Тогда получается, что этот смех от души это и есть насмешка над самим собой и своим положением, и ничто иное.

Может у нас нет других оснований чтоб думать таким образом ? Однако они есть,и чтобы думать именно таким образом автор оставил нам их множество. Тогда зачем персонаж так усердно проводит параллель между своим советским бытием и с нежизнью вообще?. И от кого он требует ответ ?. *«Более праведный или творец- создатель, что это за тартары, что такое жизнь, если жизнь это школа, так когда же приходится жить человеку, если жизнь школа? Когда?!» (Чхеидзе, Джебири 114)*. Безусловно любой строй имеет свои основные направления, планы и пропаганду,но тогда где и в чём проблема коммунизма?. Вот что говорит в своём романе Отари Чхеидзе: *« Где нарушается умеренность,там уменьшается результат воздействия», (Чхеидзе,Джебири, 116)*, и естественно, что тот режим который постоянно равняется на *«перевыполнение плана»*, перевыполнил бы и в стремлении в механизировании человека, чем и вместо результата непременно получил бы обратное. Это фактически и было предсказано автором в вышеупомянутой цитате. Писатель глубоко убеждён в своей правоте и он не сторонится демонстрировать в разных частях романа проявления абсурдности и

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

комичности системы. Примером номенклатурной деятельности и делопроизводства может послужить и приведённый в романе факт составления сельсоветом протокола, абсурдного и, по сути, взаимоисключающего: **«Нука призадумаемся, что из всего этого выйдет, что скажут те, которые наш протокол прочтут?! Сначала мы записали: - У товарища Саванели замечаются следующие черты характерна, такие как самоудовлетворённость, самоуспокоенность и благонастроенность, теперь же к этому прилагаем «замечаются... замкнутость и угрюмость ... скажите, что скажет человек прочитавший этот протокол?»** (Чхеидзе, Джебири, 180). Вот таким образом ставит вопрос Бабе, и, как нами было уже отмечено, для нас это демонстрация абсурда, демонстрация деятельности системы вообще, а не единичной, конкретной ошибки. Аналогичное осмысление мы находим и в других частях романа. Например посмотрим, что происходит в более верхних эшелонах: **«так вы же к министру обращались!...конечно же! .но всегда так- обращаешься к министру, а отвечают начальники, заведующие, инструктора.. так и есть. что тут поделаешь!»** (Чхеидзе, Джебири, 183). Тут за перечнем должностей подразумевается лишь только некомпетентность и волокита при решении насущных вопросов (проблем) и больше ничего, что и подтверждается фразой-.. **«что тут поделаешь»**, ибо при правильном решении вопроса - высказывать сожаление по его поводу не имело бы смысла.

Далее, следуя по тексту романа, видится вселившийся в людей страх, и онемевшие от него персонажи говорить могут лишь тайком **...со злым умыслом говорил об Ираклии Шубитидзе, и угрозы высказывал в его адрес, говорил что видел многих, которых неудача постигла, что вскоре и его (Шубитидзе) тоже не минует. Таким вот образом и высказывался, дома можно было всё говорить** « (Чхеидзе, Джебири, 54). Герои романа знают, что не будет пощады не только обычным, простым людям, но и всем остальным, так как посягательство на человеческое достоинство и беспощадность присущи системе и являются неотъемлемыми его составляющими. Ведь человек при советском строе представляет собой временную ценность. Он является ценным лишь до тех пор - пока нужен системе, пока держится и подкреплён благодаря занимаемой должности. Потом все будут его осуждать, **«...каждый по штыку в Дарит...»**, и это тоже служение и коммунистическое обязательство: **«... кому известно, кому веДано сколько постановлений он выполнил, Да и самому не нравившихся постановлений, сколько противились, упрямились ему, а он сломал их, сила была за ним и он ломал их, ломал.. и они сломались. почему сломались, что с ними случилось, такого веДь столько веков не было, не ломались? Кому веДано сколько было их поломано, сколько было их уничтожено.»** (Чхеидзе, Джебири 233). Писатель разумеется не случайно и не без подтекста использовал слово **«уничтожено»**, так как системе, по отношению к человеку, был свойственен именно такой плановый расклад - использовать и уничтожить. Ведь захотели использовать писателя именно таким образом,

чтоб уничтожить в нём, как в личности, - писателя и соответственно его идентичность ... Однако, Отари Чхеидзе ценной огромных усилий удалось набраться смелости и остаться свободным писателем! Вот, что говорит писатель устами одного из своих персонажей: *«Злодеяние это поДавление свобоДы» (Чхеидзе Джебири 120)*. Вникая в суть этого предложения всё более осознаём то, чем поддержал себя писатель в схватке с этой огромной репрессивной машиной. Яснее ясного, что писатель именно таким образом поставил перед собой вопрос: *злодеяние- это поДавление свобоДы, и спокойное согласие на поДавление свобоДы- это служение злодеянию*, допустить которое писатель никак не мог и поэтому как в жизни так и в творчестве он остался свободным. И когда, в какой эпохе это происходило? Это ведь тогда, когда не только за репрессированного, но и за отстранённого от должности простого, обычного человека *«и словом никто бы не замолвился»*. И это тоже должным образом представлено в романе - в диалоге между двумя учителями, когда восторженное обращение одного из них к другому есть нечто иное, как прямое и недвусмысленное обличение во всём сказанном, по предмету наших рассуждений. *«Я удивляюсь вам, -тихо сказал второй учитель,- кто заступится за отстраненного человека?! Кто знает в чём тут Дело?!» (Чхеидзе, Джебири 285)* В сознание общества без сомнения укоренилось, что отстранение от должности - это не только потеря должности, это -приговор, и соответственно заступаться за приговорённого опасно. Именно об этом и говорит писатель устами Мэри, которая обращаясь к мужу, одновременно обращается и ко всем представителям системы : *«..вы все одинакого низки. вы лишь о том и думаете, что говорят о вас окружающие, но представить себе не можете и не догадываетесь, что никто не говорит о том, о чём на самом деле думает (Чхеидзе, Джебири 158)*.

Одной стороной романа является напрямую выраженный в фразах настрой, который передаётся писателем, как формулированная данность. Другой же стороной -то, о чем еще ведает развитие сюжета. На примере секретаря райкома очевидным становится, что каким невнемлимым он является по отношению к подчинённым, такое же отношение получает от вышестоящих, и он старается во всю, чтоб, не дай Бог, сделать что- то не так: *«...за недостаточную помощь... оказанную при строительстве ворот канала ... освободить,-зачитал заведующий отделом.» (Чхеидзе, Джебири 295)*. Это трафаретные обвинение по отношению к другим, таким же образом, без всяких изменений, используется и в его адрес: *«Вы критически не относитесь к своей деятельности, Вам не под силу самокритика, вам на это смелости не хватает» (Чхеидзе, Джебири 292)* и так далее.

Так как ограничение, подавление свободы - это злодеяние -то по словам писателя коммунизм и есть злодеянию. Такая оценка логична, так как то, что коммунизм является главным символом ограничения свободы - постоянно и явно видится из романа, и об этом не будем повторяться, и лучше понаблюдаем ещё и за тем, о чём ведает автор в своей приписке к роману:

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

*«Джебири — Дамба означают лишь то, что уже не найдется было места в селе землешу, сыну земли, то, что было отчуждение их друг от друга, избегали друг друга, и в этом вины на них не было, виной тому была другая сила- сила возникшей, зародившейся силы» (Чхеидзе, Джебири ,330). И что это за сила, возникающая, зародившаяся сила? Может это не что иное как режим подавляющий свободу? Поэтому Джебири-Дамба это само по себе , возведённый против народа коммунизм, которого новое поколение водопадом низвергнет, непременно низвергнет. **«Ну что, все таки не сдерживает , значит непрочна сделана, как все таки это возможно сделать, если построить дамбу на водопаде никому не удавалось! . однако ж! . Всё таки низвергается с высоты водопад, сильный водопад молодости : и невозможно направить его обратно, вверх (Чхеидзе, Джебири ,78).***

В заключительной части исследования, хочется высказать несколько соображений по поводу наблюдаемых в романе постмодернистских тенденций. Это тем более интересно в связи с тем, что роман «Джебири» согласно «заказу» должен был быть социалистическим романом. Наши наблюдения мы выносим на обозрение для последующего обсуждения однако, как нам думается, с учётом достаточной аргументации.

С этой точки зрения нужно отметить, несколько факторов которые содержат соответствующие нашим соображениям аргументы.

Несмотря на динамичность развития сюжета фрагментность между главами романа абсолютно явная и целенаправленная, так как, в конкретных главах романа главные герои как бы сменяются, создаётся впечатление, что, то учитель является главным героем, то его дочь, то секретарь райкома, то председатель колхоза или заведующий фермой и т.д.

В определённых отрезках романа наблюдается как аллюзия , так и мета-текст. Вследствии наблюдений можем прийти к заключению, что аллюзия Галактиона вовсе не случайна, даже наоборот - она целенаправленно и как-бы частично завуалированно привнесена автором: **«С обеих сторон течет вода и тянутся ряды газонов и деревьев» (Чхеидзе, Джебири 200).** Если мы ряды деревьев примем как лишь совпадение, тогда должны считать приемлимым и то, что персонаж, - **«вновь наполнил стаканы, со смехом, весело говорил: «ещё много тостов осталось не выпитым», имел ввиду вино (Чхеидзе, Джебири 202).** Примером прямого включения в роман писателя (что неоднократно наблюдается в романе) и мета-текста являются следующие строки романа, где сделанные автором собственные сравнения, там же, в романе, им и обозреваются : **«Большинство даже атомным взрывом не сможет отрезать от собственных чувств и страстей. Кто знает, быть может и неудобное это сравнение? конечно... Однако, что подделаешь, ведь в последнее время нередки такие сравнения, как: «юноша взял Девушку за руку, а её в такую Дрожь бросило словно током ударило!» «СегоДня утром он с таким волнением стремился к мартеновской печи, как вчера на свидание с Девушкой» «СерДце его билось как турбина » и др. (Чхеидзе, Джебири 201).**

В романе столько иронии, что, вообще -то, мы не видим необходимости в приведении примеров, однако считаем необходимым уделить внимание переменчивости взаимозамещения реальности и художественного вымысла лишь по одной причине: в романе есть отрезки, где после анализа приходим к догадке, что документальная реальность и художественный вымысел служат одной композиции в одной конкретной части романа, например, пассаж, где описывается культурное соревнование колхозников - с песнями и танцами на сцену выходят участники соревнования, колхозные чиновники и односельчане болеют за своих, идёт дискуссия, отелльные диалоги с романтическими отступлениями и соответственно создаётся впечатление, что место где это происходит, безусловно является частью художественного вымысла писателя, однако прочитав последующий текст... **в зале Горийского театра..** - поймёте, что нижеприведённый пассаж является точнейшим описанием фактов: **«Не могли себе представить, что так разрастётся город, и поэтому в театре нет ярусов, и амфитеатр приделали к партеру, наподобие античному театру, вот и всё, и лоджии не приделали, хотя напротив друг друга, над входными в левый и правый партер дверями, расположены маленькие веранды, которых сперва называли лоджиями, там рассаживались руководящие товарищи, однако, рано или поздно, они догадались, что оттуда сцены не видно, смотреть было неудобно, что они создают лишь архитектурную композицию зала..»** (Чхеидзе, Джебири, 274). Мне лично привелось сидеть на том месте где **«расположены маленькие веранды, которых сперва называли лоджиями»** и подтверждаю, что смотреть оттуда неудобно, так как они не обращены к сцене, они смотрят друг на друга, и чтобы наблюдать за происходящим на сцене необходимо сидеть развернувшись. И амфитеатр привязан к партеру, на их пересечении, там где проходная часть зала, площадь с несколькими рядами сидячих мест, имеет минимальный, вызывающий определённый дискомфорт, уклон для зрителей девятого - одиннадцатых рядов. **«иди сюда, мы сидим в конце одиннадцатого ряда, место и впрямь неудобно, однако при таких условиях - это роскошь** (Чхеидзе, Джебири 249). Как уже было сказано, мы из скрытной части романа привели пример для демонстрации относительно реального и художественного вымысла, недостаток которого в романе не ощущается. Однако следует тут приостановиться.

С этой точки зрения интересен открытый финал романа, на который писатель как бы сознательно апеллирует: **«Как бы многого не было сказано, всё равно не сказанного останется много, вДоволь. Пусть так будет ... чтоб несказанного оставалось немного»** (Чхеидзе, Джебири, 312). Ладо поднимается к Бабе, но не это же главное в романе, что с ними потом случилось? Они же мелкие советские служащие, и именно это и является главным вызовом в их жизни. Писатель не говорит о том как распорядилась судьба с секретарём райкома, или с супругой Ладо и его дочери, и то, что писатель сознательно оставляет финал открытым подтверждено выше означенной цитатой. Попозже Отари Чхеидзе в романе «Буруси» (Туман)

Принудительно-заказанный Роман и Важность Интерпретации Писателя...

вновь возвращает персонажей Джебири, и жизненный путь Мэри и её дочери находит продолжение в городе, где нам придётся повстречаться с другими персонажами с их «туманным» настоящим и «дамбовским» прошлым. Начавшиеся в «Джебири» приключения многих персонажей продолжаются в «Буруси», что позволяет нам эти два романа представить как роман- дилогию из двух частей.

Под конец, авторская приписка к новому изданию романа, которую на этом этапе мы представляем как органическую составляющую романа, свидетельствуемо явном присутствии постмодернистских тенденций в романе; *«Много времени прошло, прошло, прошло. По другому бы написал всё это. Даже намеревался, однако пусть будет так, таким образом как есть, как пройденный этап нашей литературы, пройденный и своеобразный доля того времени*

...сказано было: Литература не знает (не понимает) жизнь и виновна в отставании, было сказано и невозможно перечить этому, невозможно, невозможно? Партия сказала и критики и приспешники партии подняли вопль.

. Боже праведный, как легко сейчас балагурить. кому ведано, что впредь будет легче?... Было бы хорошо (неплохо) если б тогда шагали бок о бок.» (Чхеидзе, Джебири 312,315,328). Это последнее заключительное включение автора в роман, и если читатель, подобно нам, примет это как фактическую составляющую романа, тогда мы смело и с уверенностью можем заявить, что роман Джебири вполне возможно отнести в постмодернистскому историческому роману.

Таким образом, в пределах данного исследования мы постарались с современной точки зрения проанализировать созданный в советское время антисоветский роман и с большим вниманием и осмыслением обозреть целый ряд вопросов. Думается, что в результате всего нам представилась возможность вынести интересные заключения. Однако тут же добавим, что наше исследование это капля в море сравнительно со сверхвпечатлительным творческим художественным миром Отари Чхеидзе. Поэтому, мы планируем продолжить и дополнительно расширить настоящие исследования и считаем, что изучению творчества Отари Чхеидзе, текущей литературной критике необходимо уделить ещё большее внимание.

Библиография

- GAMSAKHURDIA K. (2012), Tkhzulebebi 10 tomad.t.1 kritika, Tbilisi
GAPRINDASHVILI N., Miresashvili m., (2008) Shesavali literaturatmcodneobashi, Tbilisi
TOPURIA M., (2002) Konstantine Gamsakhurdia - literaturis kritikosi, Tbilisi;
CHKHEIDZE O. (1995), Literaturuli sakartvelo, Tbilisi;
CHKHEIDZE O. (2015), Jebiri, Tbilisi;
DOIASHVILI T., Ratiani I., (2008) Literaturuli teoria, ziritadi metodologiuri koncepciebi meoce saukunis ganmavlobashi;